

И.Г. Гаспаров

ТОЖДЕСТВО ЛИЧНОСТИ И НАРРАТИВ*

Игорь Гарибович Гаспаров – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки. Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко. Российская Федерация, 394036, г. Воронеж, ул. Студенческая, д. 10; e-mail: gasparov@mail.ru

Нарративный подход претендует на преимущества перед другими теориями тождества, однако при этом он сам сталкивается с существенными проблемами. Во-первых, автобиографический нарратив является вторичным по отношению к метафизическим и иным убеждениям своего создателя. Во-вторых, нарративный подход влечет за собой неоправданный элитаризм в отношении тождества личности, лишаящий значительную часть людей полноценной идентичности. В-третьих, не совсем ясно, способен ли нарративный подход действительно справиться с теми проблемами, решить которые он предназначен по замыслу его сторонников.

Ключевые слова: тождество личности, метафизический реализм, нарративный подход, аналитическая философия

В своей статье «Преимущества нарративного подхода к проблеме тождества личности» Д.Б. Волков предлагает автобиографический нарратив в качестве решения проблемы тождества личности. По его мнению, нарративный подход обладает определенными преимуществами по отношению к прочим подходам, претендующим на решение данной проблемы. Насколько я понял, это преимущество заключается в том, что в рамках нарративного подхода можно дать ответ на вопрос: ответственна ли личность P_2 в t_2 за действие, совершенное P_1 в t_1 , не отвечая при этом на вопрос, является ли P_2 тождественной P_1 , или на вопрос, выжил ли некто как личность несмотря на обстоятельства определенного рода, например потерю памяти, комиссуротомию мозолистого тела, перемещение в телетранспортере и т. п., при этом также не отвечая на вопрос о тождестве между личностями до и после наступления этих обстоятельств.

В своем классическом для аналитической философской традиции введении в проблему тождества личности Гарольд Нунэн различает между *эпистемическим* и *метафизико-семантическим* смыслами проблемы тождества

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00840.

личности¹. В контексте первого адекватным решением было бы указание на то, как мы можем *знать*, что некая личность P_2 , существующая во время t_2 , является тождественной некоей личности P_1 , существовавшей в более раннее время t_1 , тогда как метафизико-семантический аспект проблемы тождества личности заключается в объяснении того, в чем именно состоит тождество между личностями P_2 и P_1 , существующими некий период времени, включающий t_2 и t_1 . Львиная доля литературы о тождестве личности, без сомнения, посвящена метафизико-семантическому аспекту проблемы. Здесь предполагалось, что задачей является, исходя из нашего понятия о том, что такое личность, определить условия продолжения ее существования во времени. Кульминацией такого подхода можно считать книгу Дерек Парфита “Reasons and Persons”², в которой он предложил стандартную классификацию теорий тождества личности. Во-первых, это психологические теории, с точки зрения которых P_2 в t_2 тождественна P_1 в t_1 , если и только если они связаны между собой отношением психологической непрерывности и связанности. Во-вторых, это физические теории, с точки зрения которых P_2 в t_2 тождественна P_1 в t_1 , если и только если они связаны между собой отношением физической непрерывности и связанности. И, наконец, теории, которые Парфит называет *простым взглядом*, с точки зрения которых тождество личности зависит от некоего особого, дополнительного факта, не поддающегося дальнейшему анализу в терминах психологии, биологии или материальной конституции, который собственно и гарантирует наличие тождества личности. Для самого Парфита парадигмой простого взгляда являлся картезианский дуализм с его верой в существование нематериальной души как метафизической основы тождества личности. Парфит отвергал все эти теории тождества личности, полагая, что тождество не имеет значения для выживания. Другими словами, выбирая между собственным выживанием в будущем и существованием в этом будущем продолжателя значимого для нас сейчас дела, при условии их несовместимости, рациональнее было бы выбрать существование продолжателя.

Однако в последние десятилетия постановка вопроса о тождестве личности значительно изменилась и на первый план вышел вопрос о том, что есть я. То есть, вопрос о том, какого рода реальной сущности я тождественен. Наиболее обсуждаемые кандидаты: человеческий живой организм, нематериальная душа, личность как психологическая сущность *sui generis*. Эта новая постановка проблемы, с одной стороны, отличается большей конкретностью, поскольку теперь речь идет об условиях продолжения существования не личности как таковой, а именно той сущности, которой тождественен я. С другой стороны, метафизика получила некоторый приоритет по отношению к чисто лингвистическо-концептуальному анализу. В несколько упрощенном виде можно представить дискуссии по поводу тождества личности как взвешивание различных концепций того, что есть я в свете того, какие последствия они имеют с точки зрения нашего понимания различных значимых для нас интуиций, таких как здравый смысл, наши представления о самих себе, мораль, наука, религия и т. п. Как правило, предпочтение отдается той теории, принятие которой влечет наименьшее количество неправдоподобных последствий и согласуется с максимальным набором разделяемых нами суждений. Конечно, этот процесс не всегда оказывается прозрачным, поскольку нет единства относительно того, какие суждения желательны в качестве следствий того или иного метафизического выбора, а какие – нет,

¹ Noonan H. Personal Identity. L.; N. Y., 1989. P. 105.

² Parfit D. Reasons and Persons. Oxf., 1984.

но так или иначе, как правило, предполагается метафизический реализм, который в данном случае означает, что на кону стоит прямой ответ на вопрос, какого рода сущности я реально тождественен.

В контексте такой постановки вопроса выбор Волкова в пользу нарративного подхода не выглядит очень привлекательным, поскольку, на первый взгляд, автобиографический нарратив кажется вторичным по отношению к метафизическим, моральным и иным убеждениям, которые имплицитно или эксплицитно имеются у его создателя. Возьмем в качестве примера «Исповедь» Аврелия Августина. Она насквозь пронизана его религиозно-метафизическими представлениями, которые обычно характеризуются как христианский платонизм. Рассказывая историю своей жизни, автор интерпретирует все события, исходя из убеждений, приобретенных им уже значительно позже того времени, когда они произошли. Таким образом, многие определяющие характеристики этого нарратива, такие как единство его динамической перспективы, осмысленность, телеологичность в случае Августина, – это результат, во многом производный от его убеждений, возникших в определенный момент его жизни. В другой момент они могли бы оказаться другими. Например, *он же* мог написать в буквальном смысле или мысленно представить некую альтернативную историю своей жизни, еще будучи манихеем, и велика вероятность того, что эта история обладала бы отличной перспективой, другим смыслом и другой телеологичностью. Это был бы другой характер и, следовательно, с точки зрения нарративного подхода другая личность. Насколько это правдоподобный результат? И насколько такая концепция тождества личности удобна в практической жизни? На мой взгляд, это не очень правдоподобно и совсем не удобно в практической плане.

Другая проблема, на которую хотелось бы обратить внимание, – это подчеркнутый элитаризм предлагаемого подхода, который лишает идентичности значительное количество людей. Далеко не все люди – гении автобиографических нарративов, подобно Августину, Пьеру Абеляру, Ж.-Ж. Руссо или Л.Н. Толстому, сумевшие все-таки создать какое-то подобие отрефлексированного устойчивого образа себя. Большинство людей редко достигают в саморефлексии такого уровня ясности и стабильности. Более того, многие люди в силу возраста (как, например, младенцы), или в силу заболевания (как те, кто страдает определенными формами психических заболеваний), или в силу иных неблагоприятных жизненных обстоятельств (как те, кто подвергается нещадной эксплуатации), скорее всего, неспособны к автобиографическому нарративу, отвечающему тем требованиям, которые предполагает Волков, и, следовательно, лишены полноценной идентичности. Такой результат кажется сомнительным с метафизической точки зрения и неприемлем с точки зрения моральной.

Кроме того, как мне представляется, нарративный подход не очень хорошо справляется с обещанными ответами на поставленные им вопросы. Рассмотрим ради примера вопрос об ответственности и предположим, что существует два автобиографических нарратива, отвечающих критериям, которые к ним предъявляются Волковым, т. е. каждый из них повествует о некоем характере, обладает динамической перспективностью, осмысленностью, телеологичностью и т. п. В каждом из этих нарративов соответствующий автор претендует на то, что в прошлом, исходя из одинаковой мотивации, совершил один и тот же поступок и все имеющиеся факты не исключают возможности, что данный поступок действительно был совершен каждым из претендентов. Кому мы должны приписать ответственность за него? Исходя из нарративного подхода, вероятно, тому, чьему характеру этот поступок соответствует

больше. Однако характеры авторов могут быть одинаковыми во всех значимых для поступка аспектах. И, кроме того, иногда мы совершаем поступки, которые не соответствуют нашему характеру.

Я точно не знаю, как бы сторонник нарративного подхода ответил на этот вопрос. Возможно, у него есть хороший ответ, который мне попросту неизвестен. Тем не менее, как мне представляется, даже если у него и есть хороший ответ на этот вопрос, главная проблема нарративного подхода заключается в принципиальной зависимости любого нарратива от лежащей в его основе метафизики. Характеры, фигурирующие в автобиографическом нарративе, всегда вторичны по отношению к убеждениям их авторов. И поэтому, каким бы последовательным и осмысленным ни был предлагаемый ими нарратив, мы всегда хотим знать, *кто* его автор и каковы его убеждения, и это заставляет нас искать независимые и дополнительные свидетельства. Мы поступаем так, по крайней мере, в том случае, если наша цель – истина в реалистическом понимании этого слова. Поэтому и в случае собственного тождества мы едва ли способны удовлетвориться только лишь автонарративом, а хотим глубже проникнуть в его основания. На это можно было бы возразить, что это тоже всего лишь очередной нарратив, и в определенном смысле это, без сомнения, так. Однако это нарратив лишь по форме, а в содержательном плане – это поиск основания собственной природы. В связи с этим оставление за скобками реального тождества автора нарратива едва ли можно считать преимуществом теории, которая хочет быть теорией тождества личности. Аналогичное стремление к реализму подспудно просматривается и в статье самого Волкова, который пишет, что ядром нарративного подхода является характеристика личности, утверждая далее, что «характеризация – это попытка установить, что составляет личность на самом деле». Правда, при этом остается неясным, как автобиографический нарратив в качестве такового способен удовлетворить это стремление.

Список литературы / References

- Noonan, H. *Personal Identity*. London; New York: Routledge, 1989. 263 pp.
Parfit, D. *Reasons and Persons*. Oxford: Clarendon Press, 1984. 545 pp.

Personal identity and narrative*

Igor G. Gasparov

N.N. Burdenko Voronezh State Medical University. 10 Studencheskaya Str., Voronezh, 394036, Russian Federation; e-mail: gasparov@mail.ru

Narrative approach lays a claim to distinct advantages over other theories of personal identity, but fails to take account of the gravity of the problems it faces itself. First, it appears that any autobiographical narrative is dependent on the metaphysical and other beliefs of its creator. Second, narrative approach seems to entail an unjustified elitism about personal identity which deprives a significant number of people of their full-fledged identity. Third, it is not clear whether narrative approach is indeed able to deal successfully with the problems it is aimed to solve according to its proponents.

Keywords: personal identity, metaphysical realism, narrative approach, analytic philosophy

* This paper has been prepared for publication with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project No. 18-011-00840.